

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: Путь к Китаю: [Переход через границу.] (Письма миссионера) [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: письма XXV—XXVIII, 20 июня, 2, 18, 24 июля 1840 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 2. С. 230—241 (3-я пагин.). (Продолжение.)

Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ.

XXV.

Іюня 20 дня.

Троицко-Савскъ и Бяхта.

Къ родителямъ.

Наконецъ Вы совершенно успокоили меня насчетъ судьбы моей, горячо мною любимой. сестры ¹⁾). По полученіи письма Вашего я побѣждалъ передать мою радость д-бру моему—отцу Гурію, и мы, выѣтъ съ нимъ, въ церкви Успенія, -- вдвоемъ отпѣли благодарственный молебенъ, и въ кругу своихъ товарищей я отпраздновалъ на берегахъ Кяхты свой родной семейный праздникъ. Мы -- товарищи успѣли такъ тѣсно соединиться между собою, что радость и горе одного--дѣлаются радостью или горемъ для другихъ! Да благословить Господь нашъ союзъ! Только при такомъ родственномъ единеніи мы можемъ спокойно пройти то обширное поприще, которое предъстоитъ намъ. Къ счастью каждый изъ насъ сознаетъ важность этого условія, и потому каждый всѣми мѣрами старается сохранить его. Мы теперь смотримъ на себя, какъ на членовъ единого братства, которые всѣ должны стремиться къ одной цѣли и при достиженіи ея дѣйствовать всѣ съ волевыми силами. Теперь вы поймете, почему и товарищи мои, люди совершенно посторонніе для нашего семейства, приняли живое участіе въ родной радости, -- поймите и то, какъ ихъ участіе подѣй-

¹⁾ Юлія Васильевна Извѣстіе было о совершившейся свадьбѣ ея

ствовало на меня. Теперь я увѣренъ, что и въ Пекинѣ, подъ чужимъ небомъ, среди чужихъ людей будутъ повторяться для меня родные праздники! И въ отдаленномъ краю будутъ воскресать для меня драгоценные образы родного—прошедшаго,—освѣтять мою мрачную стезю своимъ блескомъ, навѣютъ на душу мою благодатный воздухъ родины и не дадутъ душѣ моей застыть,—зачерствѣть для всего благороднаго и высокаго, для идеальнаго и прекраснаго! Я создамъ въ своей мечтѣ свой родной идеальный міръ и буду жить въ немъ, какъ въ мірѣ дѣйствительномъ,—перенесу въ этотъ міръ тѣ образы, которые дороги для моего сердца,—которые даютъ жизнь моей душѣ и буду бесѣдовать съ ними, какъ будто-бы они дѣйствительно жили со мною, бесѣдовали и дѣйствовали. Подъ ихъ незримымъ, осязаемымъ только для души моей, благодатнымъ вліяніемъ мирно протечетъ моя жизнь,—и я съ свѣжею, возмужавшею, но не огрубѣвшею душою возвращуся къ вамъ, въ ваши объятія! Да сохранить меня Господь отъ горькихъ и тяжкихъ опытовъ жизни, которые совершенно разочаровываютъ человѣка,—бросають мрачную тѣнь на міръ и людей. Съ вѣрою въ Бога,—съ сладкою надеждою на будущее,—съ свѣтлымъ взоромъ на міръ, съ пріятными воспоминаніями о прошедшемъ,—съ благодарностію къ настоящему я готовлюсь вступить на ту дорогу, съ которой ворочусь не ранѣе десяти лѣтъ! Десять лѣтъ! Какое ужасное разстояніе! Сколько перемѣнъ можетъ случиться въ такой огромный періодъ для мимолетной жизни человѣка, скажете Вы! Не страшитесь: все пройдетъ незамѣтною чередою;—дни за днями улетятъ! Но сколько можетъ случиться перемѣнъ,—и перемѣнъ, можетъ быть, самыхъ горькихъ. Правда Ваша!—Но кто въ состояніи удержать ихъ? Высшая сила править міромъ и нами. Памъ ли противодѣйствовать ей великимъ цѣлямъ? Эта Высшая сила дѣйствуетъ по премудрымъ планамъ. Намъ ли негодовать на ея все-святую волю? И можемъ ли мы лучше распорядиться своею судьбою, нежели Богъ,—великій Правитель вселенной? Пусть же будетъ такъ, какъ угодно Господу! мы можемъ только молиться Его благодати, чтобы Она не лишила насъ своихъ милостей и своего покровительства! Будемъ надѣяться, что всѣ событія, для насъ непостижимыя и горькія,

всѣ они благо ведутъ насъ къ той великой цѣли, которая назначена самимъ Творцемъ. Вѣрьте, что эта вѣра въ Божественный промыслъ во мнѣ жива и дѣйствозна, что она есть и будетъ всегда моимъ щитомъ и покровителемъ, ангеломъ хранителемъ для моей души на новомъ и тяжеломъ для нея пути. Не плачьте, не жалѣйте о мнѣ, какъ о несчастномъ, которому на долю выпалъ тяжкій жребій! я благодарю, и крѣплюсь! Значить я не безъ утѣшенія и не безъ силъ! Крестъ, возложенный на меня свыше, не выше силъ моихъ. Господь не оставитъ меня,—и я не погибну. Не удивляйтесь, и не беспокойтесь, и не считайте этихъ словъ моихъ за лицемеріе,— за одно стараніе успокоить, утѣшить васъ мнимымъ своимъ мужествомъ, не удивляйтесь и не беспокойтесь, если сейчасъ же, послѣ словъ, выражающихъ такую преданность своей судьбѣ, вы услышите отъ меня признаніе, что грустно, тошно мнѣ разставаться съ матушкою Русью, что сердце мое трепещетъ при мысли о скоромъ отправленіи за границу. Грустно подумать, что на десять лѣтъ я дѣлаюсь добровольнымъ изгнанникомъ изъ родного края, лишусь всего дорогого и близкаго для сердца, не услышу родного звука и привѣта; что десять лѣтъ проведу я въ краю отдаленномъ,—обреченномъ на какую то роковую неподвижность, вдали отъ жизни и дѣятельности европейской, что я невольно долженъ отвыкать отъ своихъ привычекъ, образа жизни, и можетъ быть, отъ своего родного языка; что я возвращусь оттуда въ Россію какъ въ новый міръ, гдѣ будутъ указывать на меня какъ на чудака, который дремалъ, когда всѣ бодрствовали, стремились впередъ, и подвигались; когда я буду походить на полуазіятца и полугерманца и не буду ни тѣмъ, ни другимъ,—а чѣмъ то жалкимъ, среднимъ, неопредѣленнымъ. Я зналъ, или знаю, почти всѣхъ, которые были въ Пекинѣ—и теперь возвратились въ Россію. Взгляните на каждого изъ нихъ: всѣ они такъ отстали въ жизни общественной и умственной, что съ перваго взгляду,—о нихъ можно сказать, что эти несчастливцы какою-то жалкою судьбою были выброшены изъ круга общаго развитія и усовершенствованія. Въ нихъ такъ много Китайскаго, совершенно не гармонирующаго съ нашимъ образомъ мышленія и дѣйствованія, что они болѣе походятъ на обрусѣвшихъ Китай-

цевъ, нежели на Русскихъ. Повѣрите ли, что миссіонеры, возвратившіеся назадъ тому десять лѣтъ, сначала не могли говорить по русски, что они при разговорѣ мѣшали слова китайскія съ русскими, и должны были, нѣсколько времени учиться русскому разговорному языку? Каково это? Не грустно ли подумать, что я русскій забуду свой родной языкъ? Мудрено ли же, что миссіонеры кажутся жалкими чудаками въ обществѣ? А что всего хуже, на многихъ видны слѣды китайскаго пронырства, лукавства и егоизма!.. Всѣ они — представляютъ изъ себя людей, озабоченныхъ церемоніальностію, стѣсненныхъ пустыми формами, — людей, подавившихъ чувство, обрекшихъ себя на убійственную неподвижность. Повѣрите, что мое описаніе не только не преувеличено, но еще во многомъ недостаточно! мы теперь сами начинаемъ понимать, — отчего у этихъ людей могли такъ ужасно измѣниться характеры! Не правда ли, что при видѣ такихъ людей невольно задумаешься и спросишь себя: ужели и со мною можетъ случиться такое несчастье? и невольно загрустишь, когда скажешь себѣ: можетъ быть и съ тобою случатся обстоятельства, которыя доведутъ тебя до подобнаго жалкаго состоянія! И можно ли эту грусть, тоску считать знакомъ какого нибудь колебанія или слабости духа? Я плачу и буду плакать по родинѣ. Кто же можетъ упрекать меня за эти слезы? Чья холодная душа можетъ винить меня за эту скорбь? Развѣ человѣкъ можетъ быть выше себя? Развѣ онъ не будетъ страдать, когда стануть разрывать нити, укрѣпленныя въ его сердцѣ и привязывающія его къ мѣсту своего рожденія, воспитанія, счастья? когда будутъ отрѣзывать у него здоровыя части? я человѣкъ, я и плачу. Эти слезы не стыдъ, но украшеніе для меня! Они — невольная дань моя моей же природѣ! Вѣра въ Бога и въ будущее, время, — исцѣляющее самыя тяжкія раны, и добрый кругъ товарищей, рѣшающихся пить одну и ту же чашу со мною, все это доставитъ мнѣ утѣшеніе. Другія же причины скорбѣть, — какъ они ни сильно дѣйствуютъ на меня, — также не исключаютъ совершенно всякой надежды. Благодаря правительству, устранившему весьма многія обстоятельства, такъ враждебно и убійственно дѣйствовавшія на миссіонеровъ, мы надѣемся въ этомъ случаѣ быть несравненно счастливѣе своихъ предшественни-

ковъ и наши надежды не безъ основаній! По отзывамъ другихъ и по письмамъ миссіонеровъ, живущихъ теперь въ Пекинѣ, мы очень хорошо видимъ, какъ они хорошо воспользовались пособіями правительства и такимъ образомъ избѣгли жестокой судьбы своихъ собратій. Будемъ и мы слѣдовать ихъ примѣру; для насъ тѣмъ еще легче избѣгнуть несчастія, которому подвергались прежніе миссіонеры, что у насъ болѣе пособій нежели у нихъ; что мы уже заранѣе приготавливаемъ себя противъ того зла, которое угрожаетъ намъ. Собственно для меня теперь существуетъ только одна причина грустить: это разлука съ вами, со всѣми родными, разлука съ матушкой Россіей. Надобно быть почти такими же изгнанниками изъ отечества, какъ и мы, нужно жить на границѣ съ такими сосѣдями, — которые теперь окружаютъ насъ, чтобы понять, что такое любовь къ родинѣ, отечеству, чтобы всей душою полюбить матушку Русь. Да! я теперь болѣе нежели когда нибудь — Русскій, и для блага своего отечества готовъ рѣшиться на все, — мужественно перенести всѣ мученія. Что для меня Троицкъ, или Кяхта? Моя родина что-ли? Но несмотря на то, я горько заплачу — при разставаньи съ ними. Эти два мѣстечка, ничего незначающія для меня сами по себѣ, дороги для меня, какъ послѣдніе представители всего родного, — послѣдніе города Русскіе. Простившись съ ними, — я прощаюсь со всѣмъ. Впрочемъ надобно сказать еще и то, что здѣшніе жители, находясь въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ китайцами и получая отъ нихъ болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о положеніи миссіонеровъ въ Пекинѣ, очень хорошо понимаютъ всю трудность того поприща, которое предстонтъ намъ, и потому всѣми мѣрами стараются выразить свое искреннее участіе въ нашей судьбѣ. Они готовы сдѣлать всѣ возможныя услуги для миссіонеровъ. Я самъ тому — доказательство! Вотъ уже болѣе двухъ недѣль какъ я живу не на своей квартирѣ, — а въ домѣ одного здѣшняго чиновника, именно, секретаря въ пограничной канцеляріи и переводчика монгольскаго. Прекрасное семейство! Я ими принятъ какъ родной.

Знаете ли и думаете ли, что въ то время, когда вы будете читать мое письмо, — я уже буду за границею. Да! Скоро, очень скоро мы переступимъ чрезъ завѣтный рубежъ! Вчера пріѣхалъ нашъ приставъ, и съ его пріѣздомъ — всѣ наши

дѣла пойдутъ живо. Сегодня ночью долженъ явиться и нашъ обозъ! Китайскіе пристава болѣе недѣли уже, какъ пріѣхали въ Маймачинъ и своими требованіями ускоряютъ нашъ отъѣздъ. Остановка только за поставщикомъ, который взялся доставить насъ въ Пекинъ. Ни его скоть, ни его обозъ, ни онъ самъ еще не являлся. Но какъ бы то ни было, а мнѣ свои именины едва ли не праздновать за границею.

XXVI.

Юля 2-го.

Къ брату.

Вотъ Вамъ мое, можетъ быть, предпоследнее письмо изъ Россіи! Наша поѣздка уже слишкомъ близка; хотя мы еще и не можемъ рѣшительно опредѣлить, когда разстанемся съ матушкою Русью. Не знаю, не въ стѣняхъ ли Монголіи, въ душевой и дышней юртѣ, вокругъ очага — я встрѣчу и проведу 15-е іюля? Грустно будетъ свой родной праздникъ встрѣтить подъ чужимъ небомъ, но что же дѣлать? Иркутскій гражданскій губернаторъ пріѣхалъ въ Троицкъ для ускоренія нашего отъѣзда; китайскіе чиновники — просятъ о томъ же; Пекинскіе пристава уже дежидаются насъ въ Ургѣ. Губернаторъ говоритъ, что если не встрѣтится какого-нибудь особенно важнаго и непредвидѣннаго обстоятельства, то миссія черезъ 10 дней должна выступить за границу. Но едва ли къ такому скорому сроку все будетъ готово. Поставщикъ, который обязанъ доставить миссію и обозъ: ея въ Пекинъ, не бывалъ сюда еще до сихъ поръ, не смотря на то, что къ нему посланъ былъ нарочный съ извѣстіемъ о пріѣздѣ нашего пристава и съ строгимъ подтвержденіемъ немедленно явиться въ Троицкъ. По контракту, онъ обязанъ былъ приготовить все нужное для дороги еще къ 29 іюня, такъ чтобы миссія съ 1-го іюля уже отправилась. А безъ поставщика какъ же можно отправиться? Впрочемъ, обозъ его, и скоть (однѣхъ лошадей — болѣе 500, верблюдовъ 70, 50 быковъ, а барановъ — не перечеть) уже недѣли съ полторы явились въ Троицкъ и теперь отдыхаютъ на степи, собираясь съ силами въ дальній путь. Нашъ Петербургскій обозъ, отправившійся изъ столицы еще 19 генваря, прибылъ сюда недѣли двѣ тому назадъ.

Странно, какъ чиновникъ, прикомандированный къ доставленію вещей, такъ медленно тянулся; не смотря на то, что ѣхаль не на долгихъ, а на почтовыхъ. Для Ермакова ¹⁾ нужно было болѣе времени для провоза нашихъ вещей по Сибири, нежели Ермаку для покоренія ея. Вещи доставлены въ довольно хорошей цѣлости, всѣ ящики теперь снова уже укупорены, стоитъ только положить въ повозки и отправиться, провіантъ весь запасенъ; — однимъ словомъ, почти все готово, и ждемъ только знака, чтобъ отправиться въ дорогу. Нынѣшняя миссія отправится за границу несравненно ранѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Къ нашему счастью, настоящее время подаетъ большія надежды на спокойствіе въ дорогѣ. Недавно цѣлую недѣлю шелъ дождь; теперь въ продолженіи двухъ недѣль, почти каждый день тоже перепадаютъ дожди. Вы не повѣрите, что до 11-го іюня съ самаго нашего пріѣзда почти не было ни капли дождя. Во всемъ здѣшнемъ краю — ни на поляхъ, ни на горахъ не было ни листочка травы. Возъ сѣна (надобно замѣтить, что сѣно здѣсь возятъ не на телѣгахъ, а на арбахъ, одноколкахъ, потому безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что изъ нашего воза выйдетъ здѣшнихъ по крайней мѣрѣ три) стоитъ 10 рублей. Весною погода была самая непостоянная, то сильный жаръ, то холодъ; пронзительные горные вѣтры вдругъ остужали атмосферу. Въ концѣ мая и началѣ іюня настали жары, необыкновенно расслабляющія. Приставъ нашъ, который живаль подъ знойнымъ небомъ Италіи и Турціи, рассказывалъ, что ему и тамъ не удавалось встрѣтить такихъ убійственныхъ и разрушительныхъ жаровъ, какія онъ испыталъ въ Иркутскѣ. Но Иркутскъ, по своему мѣстоположенію, несравненно счастливѣе Троицка. Окрестности Иркутска довольно открыты и возвышенны; городъ окруженъ двумя рѣками, въ 60 верстахъ Байкалъ; такое богатство воды освѣжаетъ воздухъ. Между тѣмъ Троицкъ стоитъ въ небольшой пади, у самой подошвы горъ, и отчасти даже на скатѣ ихъ. Эти горы съ трехъ сторонъ загромождаютъ городъ, и только съ южной стороны они разсѣдиняются, и такимъ образомъ даютъ полную свободу вливаться знойному потоку въ ущелье, и притомъ такъ, что

¹⁾ Фамилія чиновника.

лучи солнца, но мѣрѣ того, какъ сбужаются самыя горы, сосредоточиваются, и въ самомъ городѣ, который занимаетъ самую послѣднюю и узкую точку въ этомъ углѣ, онѣ собираются какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла. Прибавьте къ тому, что эта гора песчаная, и въ самыхъ улицахъ Троицка песку почти по-колѣно, что этотъ песокъ, раскалившись, издавалъ какой то зной,—и былъ такъ горячъ, что жегъ ноги,—и вы поймете всю прелесть здѣшняго лѣта. Теперь послѣ дождя все измѣнилось: самая степь покрылась зеленою. Растительность вдругъ раскрыла себя въ полной силѣ и красотѣ. Воздухъ свѣжій и не такъ сухъ какъ прежде. Можно думать теперь, что и въ самой Гоби мы не встрѣтимъ большихъ неудобствъ, которыя досталось испытать прошедшей миссиі. Богатство подножнаго корму ускорить нашъ переѣздъ черезъ пустыню. Всѣ дорожныя потребности исправлены, кажется, какъ нельзя лучше. Самый ранній отъѣздъ нашъ имѣетъ много преимуществъ; мы избавимся отъ осеннихъ морозовъ и непогодъ въ степи. Въ половинѣ или концѣ октября мы приѣдемъ въ Пекинъ, и уже будемъ расхаживать по шумнымъ улицамъ Богдыханской столицы. Впрочемъ, при всѣхъ удобствахъ нашего пути, мы можемъ быть на мѣстѣ не ранѣе двухъ мѣсяцевъ. Какое незначительное пространство между Кяхтою и Пекивомъ,—между тѣмъ, такое трудное и продолжительное странствованіе. Въ два мѣсяца придется испытать много. Но чѣмъ болѣе ощущеній, тѣмъ болѣе занимательности, тѣмъ болѣе предметовъ для наблюденія. И въ степи, тамъ, гдѣ нѣтъ жизни,—мы становимъ отыскивать жизнь и своимъ шумнымъ караваномъ оживимъ мертвую пустыню.

3 юля. Вотъ вамъ послѣднія новости, самыя свѣжія, еще животрепещущія. Сейчасъ приѣхалъ и нашъ поставщикъ. Понятно, что его приѣздъ долженъ ускорить наше отправленіе за границу. Сегодня утромъ же сдѣлалъ распоряженіе приставъ, чтобы мы укладывали свои вещи и готовы были отправиться въ путь съ 12 числа этого мѣсяца. И вотъ мы снова начинаемъ хлопотать и суетиться о дорогѣ и дорожныхъ вещахъ. Въ Петербургѣ, при отправленіи въ путь, хлопотали для зимы,—теперь для лѣта. Троицкъ—только не Петербургъ: какъ трудно здѣсь что нибудь найти и достать. Впрочемъ, скарбъ нашъ не великъ;

и намъ недолго укладываться. Здѣсь я купилъ ручныя маленькія гусли, — довольно хорошенкія, по нѣжности своихъ звуковъ и по своему объему. Въ Монголіи, — въ юртѣ, усталый отъ дороги, освѣжаемый ночьюю прохлагою, при блескѣ луны, я буду на нихъ воскрешать сладкіе напѣвы родины, а подъ ихъ мелодіи переноситься въ свой родимый край. Моимъ звукамъ будутъ внимать и другіе мои товарищи—въ моей жизни и въ моей грусти, и судьбѣ. А тамъ за юртою раздадутся унылыя пѣсни монголовъ и однообразныя оклики часовыхъ; а тамъ далѣе, безмолвная степь, —небо да земля; смерть да тишина!

Вчера же ночью въ Маймачинъ пріѣхалъ Ургинскій Амбанъ. При свиданіи съ пограничнымъ начальникомъ нашимъ онъ спрашивалъ о поведеніи нашемъ, не будемъ ли мы такими же, какъ Кэ—лаз (о. Іакинѣвъ)? и просилъ о скорѣйшей отправкѣ насъ. О томъ же сегодня хлопоталъ, при своемъ отъѣздѣ изъ Троицка, Иркутскій губернаторъ. Такъ всѣ только о томъ и хлопочуть, какъ бы поскорѣе отправить насъ изъ милой матушки Россіи; а не хотятъ подумать, каково бѣднымъ миссіонерамъ вдругъ оторваться отъ всего родного. Каждый лишній день, проведенный нами здѣсь, есть выигрышъ, добыча наша, вырванная нами изъ 10-лѣтняго срока Пекинской жизни. Но они правы! Да и мы не виноваты! Грустно разстаться съ матушкой Русью. Не вѣрится, чтобы мы могли такъ скоро и такъ надолго вырваться изъ своего отечества. Въ этомъ письмѣ я еще не прощаюсь съ вами.

XXVII.

Троицко-Савскъ. 18 іюля.

Къ родителямъ.

Я уже, какъ израильчанинъ, препоясалъ свои чресла, взялъ посохъ въ руки, —и готовъ идти, куда поведутъ меня. Разница только та, что я, хотя иду въ пустыню, но приду не въ обѣтованную землю, а выхожу изъ нея! Предъ мною открывается не родная земля, —земля предковъ моихъ, но чужбина, страна далекая и неизвѣстная! Я иду, —значить, не въ свободу, а въ плѣнъ. Только три дня осталось пожить мнѣ на Русской землѣ, —подышать

роднымъ воздухомъ! Сегодня четвергъ (18 іюля); въ воскресенье (21 іюля) мы въ 10 часовъ утра оставляемъ Троицкъ,—а въ 3 часа послѣ обѣдни, молебна и обѣда, разпростившись съ Русскими и со всѣмъ Русскимъ, мы выступимъ уже за границу. Тогда прости, Русская земля! Десять лѣтъ не видать мнѣ тебя,—не жить подъ роднымъ небомъ. Но надѣюсь на милость Божию; надѣюсь снова быть подъ своимъ кровомъ,—на берегахъ матушки Волги, въ объятіяхъ вашихъ! Правда,—велики десять лѣтъ; за то время летитъ быстро; пронесутся незамѣтною чередой и десять лѣтъ, и объ нихъ останутся только одни воспоминанія! Трудно только начать это поприще,—а потомъ уже все само пойдетъ. Прискорбно и горько разстаться со всѣмъ роднымъ, но сладка надежда свиданья съ вами послѣ такой разлуки;—но сильна вѣра въ милость и помощь Божию.

Благословите же меня, любезнѣйшіе напенька и маменька, на дальній путь! Подъ защитою вашего благословенія я смѣло и безопасно пройду свое поприще,—и потомъ къ вашей радости и утѣшенію—возвращусь въ ваши объятія! И въ дальней странѣ я всегда буду вполне вашимъ сыномъ,—буду молить Господа, чтобы Онъ продлилъ жизнь вашу къ счастью вашихъ дѣтей! Простите, простите на десять лѣтъ! Не плачьте,—слезы не помогутъ. Предназначенное Богомъ должно совершиться, а Господь къ намъ милостивъ.

Простите, и благословите меня старшіе—дорогіе братцы мои Александръ Васильевичъ и Петръ Николаевичъ.....

Простите всѣ, всѣ, большіе и малые, близкіе и дальніе, всѣ, кого я люблю, и помню. Не забывайте вашего Владиміра, который никогда не забудетъ васъ. Скажите мое прощальное слово всѣмъ знакомымъ, всѣмъ принимающимъ участіе въ судьбѣ моей. Простите всѣ; я уже не увижусь съ вами десять лѣтъ.

XXVIII.

Іюля 24, 1840 г.

Монголія. Станція Юро.

Къ родителямъ.

Вотъ вамъ грамотка уже изъ за границы съ предѣловъ Поднебесной Имперіи. Три дня съ половиной какъ я кочую

въ пустыняхъ Монголіи, какъ я разстался въ дороною родиною. Двадцать перваго іюля—въ пятомъ часу за полдень—мы выступили за Русскую границу. Проводы были слишкомъ торжественны и разительны. Въ десять часовъ утра мы распростились съ Троицкомъ, и отправились въ Кяхту, гдѣ служили обѣдню, послѣ которой отправились на обѣдъ, данный намъ однимъ купцомъ. Послѣ обѣда, давши нѣсколько времени для отдыха, мы отправились въ церковь, и тамъ, выслушавши напутный молебень, стали прощаться съ братьями—своими Русскими. Стеченіе народу было чрезвычайное,—и подивитесь, вся эта масса людей, знавшая насъ только по слуху или по виду, выразила такое живое участіе въ нашей судьбѣ, что мы невольно должны были горько плакать, прощаясь съ ними. Слезы были на глазахъ всѣхъ. Цѣлая толпа бѣжала за нами—за самый Маймачинъ;—они какъ будто хотѣли вырвать насъ изъ рукъ китайцевъ, которые съ любопытствомъ и даже съ какою то радостью приняли насъ; но эта радость была похожа на радость волка при видѣ добычи. Ахъ! Горько и тяжело разстаться съ родиною. Въ Маймачинѣ насъ счетомъ сдали китайскому сановнику—Заргучею, и съ этой минуты мы уже вступили въ число жителей Великаго Серединаго Царства. На первый разъ мы прошли только семь верстъ,—и здѣсь расположились всѣмъ своимъ таборомъ, но и здѣсь—добрые Русскіе выказали всю свою любовь. Первый нашъ ночлегъ—еще могъ называться роднымъ; множество земляковъ, постаралось своимъ радушіемъ подавить въ насъ мысль, что мы уже на землѣ чужой. Теперь другой день мы уже кочуемъ на третьей станціи—въ 60 верстахъ отъ Кяхты. Завтра снимется нашъ лагерь, и мы снова пустимся въ дорогу. Мы теперь расположились своимъ станомъ на Юро или Иро, довольно быстрой, хотя и не большой рѣчкѣ, которая течетъ по прекрасной долинѣ, между горами—самыми живописными. Хотя я и не бывалъ въ Швейцаріи, но думаю, что нѣкоторыя мѣста здѣшнія могли бы съ честію быть и тамъ. Но при всей своей красѣ, здѣшняя природа дика и угрюма; здѣсь народонаселеніе менѣе даже Сибирскаго. Кой гдѣ виднѣется юрта; кой гдѣ пронесется монголъ на своемъ вольномъ и рьяномъ конѣ, да пройдетъ стадо бара-

новъ и верблюдовъ,—и болѣе ничего; все тихо и безмолвно. За то около нашихъ юртъ со всѣхъ сторонъ стекаются монголы и монгольскія собаки,—и тѣ и другія надоѣдаютъ намъ своими непрестанными посѣщеніями. Вотъ вамъ и всѣ мои новости. Я пишу къ вамъ ночью,— въ юртѣ, около меня спятъ четыре товарища; — вдали раздаются оклики нашихъ часовыхъ, охраняющихъ нашъ табунъ,—и пѣсни монголовъ, объѣзжающихъ дозоромъ во— кругъ обоза. Удивительно, какой грустный и вмѣстѣ мелодическій напѣвъ у монголовъ. Не понимая словъ ихъ, можно чувствовать смыслъ ихъ пѣсенъ. Хорошаго монгольскаго пѣвца можно заслушаться. Какое-то уныніе наводитъ этотъ напѣвъ, который удивительно гармонируетъ съ мрачною тишиною ночи.
